

«Пепельная Среда» Т.С. Элиота и «Разговор с небожителем» И. Бродского: язык как конституирующий элемент диалога с Абсолютом

Мананкова Анна Александровна

Студентка Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

В данной работе рассматриваются тексты поэтов XX в., воспринявших и по-своему трансформировавших традицию лирики английских метафизиков эпохи барокко. Одна из основополагающих характеристик метафизической поэзии – обращение к трансцендентному. Центральной проблемой избранных для исследования текстов как раз и является попытка прорыва к трансцендентному с последующей трансформацией плана трансценденции в план имманенции. И «Пепельная Среда», и «Разговор с небожителем» представляют собой вариант своеобразного «диалога с Богом». Однако подлинный диалог между Я и Вечным Ты (терминология М. Бубера) возможен лишь при условии произнесения изначального слова «Я-Ты», гарантирующего со-присутствие, то есть при условии взаимопроникновения собственной речи, или говора, и Божественного Слова, Логоса. Именно поэтому конституирующим элементом диалога с Абсолютом становится язык.

Интересна избираемая поэтами форма со-присутствия: лирические герои Элиота и Бродского постулируют принципиальный отказ от поиска божественного внутри себя, со-присутствие понимается не как «Бог-во-Мне», но как «Я-в-Боге». Об этом свидетельствует, к примеру, последняя строка «Пепельной Среды» Элиота («...let my cry come unto Thee») и упоминание о жажде «слиться с Богом, как с пейзажем» у Бродского.

Процесс преодоления трансценденции и достижения со-присутствия описывается при помощи введения мотива восхождения к Богу. Оба поэта понимают это восхождение как осуществляемое благодаря словам и посредством слов. Так, в третьей части поэмы Элиота появляется образ лестницы, по которой взбирается герой. Подъем необычайно труден, и только вера в помощь Божественного Слова дает силы отчаявшейся душе: «Lord, I'm not worthy / But speak the word only». У Бродского в нескольких местах присутствует упоминание о «башне слов», которую он называет «правнучкой вавилонской». В данном случае язык также выступает как связующее звено между Я и Вечным Ты: строительство такой башни – это попытка осуществить слияние человеческой речи и Логоса.

Здесь наблюдается существенное различие в позициях лирических героев: герой Бродского «воздвигает башню» сам, а герой Элиота надеется на Божественное Слово. Однако отсутствие сходства в восприятии ситуации лирическими героями компенсируется сходством в восприятии авторов: сам акт письма – это тоже своеобразная попытка «докричаться» до Бога, построить собственную «башню» или «лестницу», поэтому, создавая свои произведения в форме обращения ко Всевышнему, поэты действуют по схожим алгоритмам. Более того, они используют в качестве «строительного материала» одни и те же средства:

а) Интертекстуальный пласт Священного Писания и молитв (цитаты из Евангелия у Бродского, аллюзии на ТаНаХ и цитата из гимна «Ave Maria» у Элиота);

б) Обращение к технике лейтмотивов, скрепляющих текст. У Элиота в качестве лейтмотива выступает фраза «Because I do not hope to turn again», у Бродского – слова «здесь, на земле». Поддерживая целостность текста, они становятся тем языковым материалом, из которого и строится «лестница к Богу».

Для обоих произведений характерна диалектика речи и молчания, или проблема слуха и вслушивания. Попробуем проследить движение мысли авторов.

1. «Пепельная Среда» Элиота. Упомянутые слова «Because I do not hope to turn again» свидетельствуют об отчаянии лирического героя в возможном спасении и единении с Богом. Он говорит о том, что слов и так уже было сказано слишком много: «...that matters that with myself I too much discuss» – и просит кого-то другого «молиться за грешников». Вскоре выясняется, что у лирического героя есть некая таинственная

заступница – «Lady of silences», чей образ связывается с образом ветра и мотивом духовой музыки (игры на флейте), что отсылает к «веянию тихого ветра» в ветхозаветном эпизоде с пророком Илией. Именно эта заступница вызывает образ неслышимого и непроизносимого слова («word unheard, unspoken»), лишь обретя которое можно расслышать истинный голос бытия и воззвать к Творцу. Поэтому поэма и заканчивается, казалось бы, парадоксальными утверждениями. С одной стороны – «Teach us to sit still» (по отношению к заступнице), но с другой – и уже по отношению к Богу – «Let my cry come unto Thee». Чтобы обратиться к Богу посредством собственного голоса, сделать свою речь частью Его речи, позволить своему крику проникнуть в Него, необходима тишина и вслушивание в молчание.

2. «Разговор с небожителем» Бродского. В тексте присутствуют две соотносящиеся между собой бинарные оппозиции: «земля» – «небо» и «говорение» – «молчание», анализ которых подводит к утверждению, что «вся вера есть не более чем почта / в один конец». Ненарушимое молчание приписывается небожителю, в то время как для лирического героя важнейшим критерием самоидентификации остается язык. Герой отождествляет себя с собственной речью, говорит, что слился с «башней слов». Причем это не столько устная речь, сколько письмо – черным по белому. Однако в какой-то момент повествователь ставит вопрос о смысле этого письма: «зачем так много черного на белом?» Образ снега за окном коррелирует в его сознании с образом чистого листа. Финальная строфа стихотворения, где возникают еще два персонажа, старик и младенец, раскрывает амбивалентность этого образа: с одной стороны, начало новой жизни – чистый, нетронутый лист, еще-молчание, с другой – окончание жизни, когда на листе уже больше ничего появиться не может, или уже-молчание. Тишина становится необходимым условием существования речи: в ней начинается и заканчивается, рождается и умирает всякое слово.

Таким образом, для поэтов-метафизиков XX в. характерно выстраивание отношений с Абсолютом посредством языка, но лишь понимание диалектики речи и молчания помогает постичь эти вечно становящиеся отношения во всей сложности и полноте.